

ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ НАУК В КОНТЕКСТЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ НАУЧНЫХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ

(Памяти В.В. Лунеева)

© 2022 г. Ю. А. Цветков

Московская академия Следственного комитета Российской Федерации

E-mail: Yutsvet@yandex.ru

Поступила в редакцию 03.03.2022 г.

Аннотация. В статье рассмотрены методологические и организационные проблемы объединения юридических наук антикриминального цикла в укрупненную специальность 5.1.4 «Уголовно-правовые науки». Спрогнозированы основные риски для развития наук в рамках объединенной специальности. Дана оценка перспективам преодоления кризиса этих наук, который стал предметом полемики между В.В. Лунеевым, В.Н. Кудрявцевым, А.В. Наумовым и продолжает оставаться таковым уже между представителями нового поколения ученых. Указаны сложности и неоднозначность различных вариантов построения иерархии уголовно-правовых наук. Целесообразность и своевременность объединения наук антикриминального цикла определена в разрезе проблемы неравномерности их развития, а также противоречий между взглядами сторонников различных концепций развития этих наук.

Ключевые слова: уголовно-правовые науки, социальные науки, объединение научных специальностей, методология юридических наук, правовой реализм.

Цитирование: Цветков Ю.А. Проблемы уголовно-правовых наук в контексте объединения научных специальностей (Памяти В.В. Лунеева) // Государство и право. 2022. № 10. С. 71–83.

DOI: 10.31857/S102694520022601-2

PROBLEMS OF CRIMINAL LAW SCIENCES IN THE CONTEXT OF THE UNIFICATION OF SCIENTIFIC SPECIALTIES

(In memory of V.V. Lunev)

© 2022 Yu. A. Tsvetkov

Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation

E-mail: Yutsvet@yandex.ru

Received 03.03.2022

Abstract. The article discusses the methodological and organizational problems of combining the legal sciences of the anti-criminal cycle into an enlarged specialty 5.1.4. "Criminal Law Sciences". The main risks for the development of sciences within the framework of the combined specialty are predicted. The prospects of overcoming the crisis of these sciences, which became the subject of controversy between V.V. Lunev, V.N. Kudryavtsev, A.V. Naumov, and continues to remain so between a new generation of scientists, are assessed. The difficulties and ambiguity of various options for constructing the hierarchy of criminal law sciences are indicated. The expediency and timeliness of combining the sciences of the anti-criminal cycle is determined in the context of the problem of the unevenness of their development, as well as contradictions between the views of supporters of various concepts of the development of these sciences.

Key words: criminal law sciences, social sciences, association of scientific specialties, methodology of legal sciences, legal realism.

For citation: Tsvetkov, Yu. A. (2022). Problems of criminal law sciences in the context of the unification of scientific specialties (In memory of V.V. Luneev) // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 10, pp. 71–83.

В год 100-летия со дня образования СССР, за месяц до своего 90-летия ушел из жизни заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор Виктор Васильевич Лунеев. Вознеся своими трудами российскую криминологию на мировой научный уровень, он в поздний период своей деятельности размышлял о концептуальных проблемах наук всего криминального цикла¹. Результаты его рефлексии тем более актуальны в свете объединения научных специальностей.

В 2021 г. все 15 существующих специальностей объединены в пять укрупненных научных специальностей по юриспруденции. Образована, в частности, специальность 5.1.4 «Уголовно-правовые науки»². Согласно проекту паспорта этой специальности она объединит уголовное право, криминологию, уголовно-исполнительное право, уголовный процесс, криминалистику, судебную экспертологию, теорию оперативно-розыскной деятельности, а также правозащитную деятельность в уголовном судопроизводстве и правоохранительные органы в сфере борьбы с преступностью. Под шифром 5.1.4 оказались слиты специальности, которые ранее имели шифры 12.00.08, 12.00.09, 12.00.12 и частично 12.00.11³.

Насколько своевременно и целесообразно такое объединение, придаст ли оно дополнительный импульс либо создаст новые риски развитию наук криминального цикла, которые следовало бы заранее спрогнозировать и хеджировать? Основатель Советского государства В.И. Ленин, хотя и по другому поводу, но как будто бы специально для этого случая высказал следующую мысль: «Прежде, чем объединяться, и для того, чтобы объединиться, мы должны сначала решительно и определенно размежеваться»⁴. Институциональное развитие юридических наук как раз и двигалось все время по пути их размежевания, так что к моменту объединения они оказались разведенными по 15 специальностям.

¹ См.: Лунеев В.В. Проблемы юридических наук криминального цикла // Государство и право. 2007. № 5. С. 39–58; Его же. Проблемы уголовного права и других наук криминального цикла // Уголовное право. Актуальные проблемы теории и практики: сб. очерков / под ред. В.В. Лунеева. М., 2010. С. 15–52.

² См.: приказ Минобрнауки России от 24.02.2021 г. № 5 «Об утверждении номенклатуры научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени, и внесении изменений в Положение о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, утвержденное приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 10 ноября 2017 г. № 1093» // Официальный интернет портал правовой информации // <http://www.pravo.ru>, 06.04.2021.

³ См.: Проекты паспортов научных специальностей номенклатуры научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени, утвержденной приказом Минобрнауки России от 24.02.2021 г. № 118 // Официальный сайт ВАК Минобрнауки России // https://drive.google.com/drive/folders/1xqoWINSPPH48_IA21w1uuWt3qkMQc5E0 (дата обращения: 21.01.2022).

⁴ Ленин В.И. Заявление редакции «Искры» (1900 г.) // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 354–360.

Дробление юридических наук происходило на фоне аналогичного явления, характеризующего всю новейшую историю развития научного знания, начиная с середины XIX в., в связи с его постоянным ростом и усложнением. Процесс этот, хотя и в разной мере, затронул науки криминального цикла. Так, если уголовное право и криминология, а равно уголовно-исполнительное право на нормативном (но не корпоративном и межличностном) уровне стабильно существовали в рамках одной специальности 12.00.08, то родственная ей специальность 12.00.09 подвергалась постоянной дивергенции. Размежевание уголовного процесса и криминалистики произошло 10 лет назад, когда была образована новая специальность 12.00.12 «Криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность». Специальность 12.00.09, в которую они ранее входили, стала быть представленной только уголовным процессом⁵.

Вернемся к максиме В.И. Ленина и ответим на вопрос: почему же любому прочному объединению должно предшествовать решительное размежевание? Применительно к научным специальностям смысл его состоит в том, чтобы четко определиться в своем предмете или смысловом ядре и, отталкиваясь от него, сформировать последовательную методологию научного исследования, опирающегося на один или несколько базовых объяснительных концептов и принципов. Что дало размежевание этим научным специальностям? А.П. Ушакова оценила динамику развития каждой научной специальности на основании статистических данных о количестве защищенных по ним диссертаций (по состоянию на 2017 г.). На первом месте по популярности остается уголовное право и криминология (83 защиты), на втором — гражданское право (69), на третьем — конституционное и муниципальное право (62). Но и другие науки криминального цикла поддерживают высокий количественный уровень защит: уголовный процесс занимает пятое место (46), криминалистика, экспертология и ОРД — седьмое (34), что для недавно выделившихся научных специальностей весьма неплохо, а сборная специальность 12.00.11 делит вместе с трудовым правом седьмое место (по 22 защиты)⁶.

Приведенные данные указывают, что все научные специальности, входящие в криминальный цикл, в том числе и недавно разъединенные уголовный процесс и криминалистика, по количеству защищенных диссертаций развивались довольно динамично. Никакого торможения или застоя вследствие отрыва их друг от друга не наблюдалось. Вероятно, у каждой из них еще имелся запас прочности для того, чтобы в обозримой на годы вперед перспективе выдавать результаты путем интенсивного углубления в самих

⁵ См.: приказ Минобрнауки России от 10.01.2012 г. № 5 «О внесении изменений в Номенклатуру специальностей научных работников, утвержденную приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 25 февраля 2009 г. № 59» // БНА. 2012. № 5. С. 116–119.

⁶ См.: Ушакова А.П. Сколько диссертаций защищается по юридическим наукам? (Статистическое исследование) // Пролог: журнал о праве. 2017. № 3. С. 49–56.

себя, в свою собственную узконаправленную проблематику, пока она не будет исчерпана без остатка.

Количество защит, хотя и не единственный, но все-таки весьма важный критерий оценки потенциала науки. Его использование, наряду с другими наукометрическими средствами в широком их понимании, позволяет исключить субъективизм, который в оценках перспектив новой научной специальности допустил А. Ю. Афанасьев. Высказывания предположения о том, какая наука в ней станет доминировать, он без какого-либо обоснования утверждает, что уголовное право и уголовный процесс в своем научном развитии «замедлились», дав опередить себя обеспечивающей их криминалистике. Криминология и уголовно-исполнительное право, по его мнению, «находятся в тени» уголовного права⁷. Статья позиционируется как «взгляд процессуалиста» и в этом смысле, наверное, объяснимо, хотя и прискорбно, что «процессуалист» плохо знаком с уровнем развития других наук, о которых берется рассуждать. Поставим под сомнение главный и кажущийся очевидным автору тезис о примате науки уголовного права над другими науками цикла.

Иерархия научных специальностей уголовно-правового цикла

Ход рассуждений «процессуалиста» весьма предсказуем. Все эти науки строятся вокруг центрального социально-правового феномена — преступления. Именно в уголовном законодательстве определено, что является преступлением, за ним, следовательно, и приоритет. Однако тот вывод, к которому путем длительных размышлений пришел А. Ю. Афанасьев, еще в середине позапрошлого века в одном из первых русских учебников уголовного процесса сделал Н. И. Стояновский: «Высшее и коренное начало уголовного судопроизводства есть справедливое осуществление и приведение в действие уголовных законов»⁸.

Рассмотрение уголовного процесса в качестве единственной легальной процедуры (юридической технологии) реализации норм материального права об уголовной ответственности — классический подход представителей континентальной правовой семьи. В семье общего права норму творит не только и не столько законодатель, сколько суд — в форме правосудия путем создания судебного прецедента. Соответственно, процессуальное право, регламентирующее деятельность судов, в том числе и по созданию норм материального права, становится первичным правовым феноменом. Более того, представители одного из наиболее влиятельных направлений юридической науки XX в. — правового реализма отрицают существование материального права. Последнее они рассматривают в качестве фикции, существующей в сознании человека⁹.

В то же время предмет криминологии задается уголовным правом, а криминалистики — уголовным процессом. Но и здесь не все так однозначно. Выявление формально

непреступных, но общественно опасных деяний и обоснование необходимости их криминализации осуществляется на методологической платформе криминологии. Другой пример: имплементации в уголовно-процессуальный закон новых следственных действий может предшествовать их теоретическое обоснование в рамках криминалистики. Так, до принятия Уголовно-процессуального кодекса РФ такое следственное действие, как проверка показаний на месте, подменялась по аналогии закона следственным экспериментом, и только после теоретического обоснования их различия законодатель провел их размежевание.

Если, конечно, исходить из хронологии возникновения и дальнейшей институционализации научных знаний, уголовное право исторически предшествовало криминологии, а уголовный процесс — криминалистике. По одному только этому критерию допустимо говорить о примате чисто правовых дисциплин над комплексными и междисциплинарными. Но однозначно применить его к уголовному праву невозможно. На ранних этапах развития общества, включая и Древний Рим, завещавший миру в наследство цивилистический канон, под правом понимали нормы судебной защиты, которые были немногочисленны и конкретны. «Вопрос для индивида того времени вставал следующим образом: на основе каких фактов один человек мог извлечь выгоду из того, что суд побеспокоит другого человека? И нормы права как раз были об этом. Они группировались вокруг каждого средства судебной защиты. Такими категориями люди и думали»¹⁰.

Не стоит воспринимать это как призыв отказаться от классической континентальной иерархии отраслей права и соответствующих им юридических наук. Отказаться следует от стереотипов и, соответственно, от выстраивания шаблонных схем. В реальности степень влияния той или иной науки в рамках специальности будет определяться активностью и влиятельностью научных школ и стоящих за ними ученых, численным и качественным соотношением представителей той или иной специальности.

Проблема неравномерности развития уголовно-правовых наук

В немногочисленном сонме юристов, когда-либо удостоенных государственной премии в области науки и техники, почти все ученые — это криминологи, включая самого В. В. Лунеева, а его работа «Преступность XX века»¹¹ включена в библиографию всех крупнейших университетов мира. Первым юристом, который достиг положения вице-президента Российской академии наук, стал именно криминолог — В. Н. Кудрявцев, а всего их было три, он, Т. Я. Хабриева и в настоящее время В. Н. Руденко. Таким образом, именно в криминологии российское научное сообщество видит наиболее наукоемкую юридическую научную специальность. Объясняется это тем, что в ней воплощен междисциплинарный подход, предполагающий широкое применение методов социальных наук. Впрочем, Ю. В. Голик пытался обосновать идею о наличии собственно криминологического метода¹², что позволило

⁷ См.: Афанасьев А. Ю. 5.1.4 — Уголовно-правовые науки // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2021. № 2. С. 111–117.

⁸ Стояновский Н. И. Практическое руководство к русскому уголовному судопроизводству. СПб., 1852. С. 3.

⁹ См.: Васильева Н. С. Действительность права как психологический факт: Упальская школа в контексте интеллектуальной традиции континентального правового реализма // Труды ИГП РАН. 2019. Т. 14. № 4. С. 47–80.

¹⁰ Ллевеллин К. Реалистическая юриспруденция — следующий шаг / пер. с англ. Д. Е. Тонкова // Правоведение. 2015. № 4 (321). С. 161.

¹¹ Лунеев В. В. Преступность XX века: мировые, региональные и российские тенденции. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2005.

¹² См.: Голик Ю. В. Метод уголовного права // Журнал рос. права. 2000. № 1. С. 69–75.

бы говорить о ней как об автономной юридической науке, таковой делает ее объект, а не методы исследования.

Только по невежеству можно утверждать, что наука, представленная наряду с В.Н. Кудрявцевым и В.В. Луневым такими корифеями, как М.М. Бабаев, Я.И. Гилинский, Ю.В. Голик, Г.В. Дашков, А.И. Долгова, С.М. Иншаков, Н.Ф. Кузнецова, С.В. Максимов, В.С. Овчинский и, наконец, Главный ученый секретарь ВАК Минобрнауки России И.М. Мацкевич, находится в тени других юридических наук. Криминология — одна из немногих юридических наук, обладающая институциональной поддержкой в лице собственной ассоциации¹³, а также рядом периодических научных изданий, в том числе индексируемых на платформе Web of Science¹⁴. Недопонимание значения того вклада, который советская и российская криминология внесла в развитие отечественной юридической науки и мировой криминологии, а также значения «криминологического взгляда» на правоохранительную деятельность, который еще в их вузовском «онтогенезе» должен формироваться у будущих юристов, характерно как для представителей научной бюрократии, так довольно солидной части ученых. Подобное невежество привело к опасным для российского юридического образования тенденциям к сворачиванию преподавания этой дисциплины в числе обязательных для изучения в юридических вузах¹⁵. Этот процесс развивается параллельно такому явлению, как «профанизация» криминологии, когда различные виды преступлений и система противодействия им становятся предметом диссертационных исследований по истории, социологии, политологии и даже географии¹⁶. После десятилетий триумфа отечественной криминологии ее позиции подрываются с самых разных сторон. Впору криминологам исследовать проблему виктимности самой криминологии.

Утверждение А.Ю. Афанасьева о «замедлении» развития науки уголовного права выглядит на фоне первого места по количеству диссертационных защит или издания 20-го тома Курса уголовного права под редакцией Н.А. Лопашенко по меньшей мере неубедительно. Наличие «академического» курса — показатель уровня зрелости науки. Такого уровня именно за последние годы достигла и уголовно-процессуальная наука, поднятая на высоту Курса, подготовленного в 2016 г. коллективом процессуалистов МГУ им. М.В. Ломоносова под редакцией Л.В. Головки¹⁷. Вал публикаций способен поддерживать издание одновременно нескольких специализированных журналов по уголовному процессу. Если же оценивать уровень развития научной дисциплины уголовно-исполнительного права, то в силу ее жесткой привязки к уголовному праву и сугубой локальности предмета ее правового регулирования, пытаться ожидать от нее тех же масштабов, что и от уголовного права, в принципе,

некорректно. Между тем и эта дисциплина, гордо называющая себя устами своего печатного рупора пенитенциарной наукой, активно совершенствуется на базе ведомственных образовательных и научных организаций ФСИН России, поддерживая большое количество периодических изданий.

Масштаб и темпы развития в России криминалистики действительно впечатляют, но именно эта наука обладает рядом неоспоримых конкурентных преимуществ перед другими уголовно-правовыми науками.

Во-первых, криминалистика как максимально деидеологизированная, а значит, и не представляющая, в отличие от классических правовых дисциплин, потенциальной опасности для господствовавшей в СССР идеологии, получила фору на этапе своего становления.

Во-вторых, такой эффект создается благодаря численному преобладанию ученых-криминалистов, в ряды которых постоянно рекрутируются выходящие в отставку сотрудники правоохранительных органов, в первую очередь МВД России (логично в связи с этим выглядит принятое на Западе название криминалистики — «полицейская наука»).

Из этого вытекает и третий факт — опора на внушительные кадровые, материальные и организационные ресурсы МВД России, для которого криминалистика стала, по сути, главной ведомственной наукой.

В-четвертых, в силу высокой степени методологической свободы данной специальности она позволяет чувствовать в ней себя более комфортно ученым, склонным к методологическому анархизму и тем самым создает для них поле притяжения.

Наконец, далеко не последнее место в самоопределении криминалистики сыграл и субъективный фактор — наличие ученого такого уровня, как Р.С. Белкин, 100-летие со дня рождения которого также падает на этот юбилейный для СССР год. Именно он вовремя (в 1967 г.) определил основное уязвимое звено новой науки и восполнил его своим учением о предмете криминалистики как объективных закономерностях возникновения, обнаружения следовой информации и ее использования в доказывании¹⁸. Заметим, что в этой небольшой по объему, но программной по значению работе ничего не говорится о закономерностях механизма совершения преступления, «рейдерски» захваченного у криминологии и «подтянутого» к предмету криминалистики. Точно так же Р.С. Белкин был критически настроен к понятию криминалистической характеристики преступления, исходя из того, что существует традиционно признанная криминологическая характеристика преступления¹⁹. Предложенный им основной принцип — теория отражения²⁰ — также был выбран довольно удачно. С одной стороны, он укладывался в русло марксистско-ленинской идеологии и тем самым политически легитимизировал новую науку, а с другой — полностью оправдывал себя кругом решаемых криминалистикой практических задач. Другой вопрос, что экстраполяция этого принципа на процессуальные отрасли права приводила к ограничению

¹³ Российская криминологическая ассоциация — общероссийская общественная организация, действующая с 1991 г.

¹⁴ Научный журнал Байкальского государственного университета «Всероссийский криминологический журнал».

¹⁵ Об этом см.: Долгова А.И. Нужна ли криминология и криминологический взгляд на преступность? // Библиотека криминалиста. Науч. журнал. 2015. № 6. С. 9—19.

¹⁶ См.: Клейменов М.П., Клейменов И.М. Профанизация криминологии // Криминологический журнал БГУЭП. 2010. № 2. С. 13—20.

¹⁷ См.: Курс уголовного процесса / под ред. Л.В. Головки. М., 2016.

¹⁸ См.: Белкин Р.С., Краснобаев Ю.И. О предмете советской криминалистики // Правоведение. 1967. № 4. С. 90—94.

¹⁹ См.: Белкин Р.С., Быховский И.Е., Дулов А.В. Модное увлечение или новое слово в науке? (Еще раз о криминалистической характеристике преступления) // Соц. законность. 1987. № 9. С. 56—58.

²⁰ См.: Белкин Р.С. Ленинская теория отражения и методологические проблемы советской криминалистики. М., 1970.

потенциала этих наук, но здесь уже вина не криминалистов, а процессуалистов, пренебрегавших вопросами методологии.

Учение о закономерностях и методе стало тем «твердым ядром», в терминологии И. Лакатоса²¹, которое обеспечило криминалистике ее научную правосубъектность. Здесь же следует упомянуть и альтруизм Р.С. Белкина как учителя и педагога, оказывавшего своим ученикам не только интеллектуальную, но и организационную поддержку. Ученики, в свою очередь, сформировали вокруг этого «твердого ядра» широкий «защитный пояс» из локальных концепций. Именно поэтому острие критики тех, кто эту правосубъектность отвергает, направлено против учения Р.С. Белкина и даже против его личности²².

«Замедление» в развитии научных специальностей криминального цикла связано не с уровнем активности представляющих его ученых, как полагает А.Ю. Афанасьев (она как раз весьма высока), а с тем, что в основе своей они переживают глубокий методологический и тематический кризис. Именно его в цикле работ проанализировал В.В. Лунеев, именно этот кризис и призвано преодолеть объединение научных специальностей. Представим квинтэссенцию критических взглядов ученого.

Кризис наук «криминального цикла» по В.В. Лунееву

Несмотря на большое количество исследований по праву, особенно в области уголовно-правовых наук, законотворческая и правоприменительная практика сосуществуют в параллельных мирах, не соприкасаясь друг с другом и не оказывая друг на друга существенного влияния. В глазах законодателя и правоприменителя утрачен авторитет юридической науки и вера в ее способность решать реальные, а не мнимые, сугубо абстрактные (внутринаучные) проблемы. Отсюда, с одной стороны, отсутствие какой-либо научной проработки, которая должна предшествовать тем или иным законодательным новеллам, включая появление новых институтов, а с другой — оторванность научных исследований от потребностей практики. По сути, это и есть показатель кризиса наук криминального цикла, причем смысл его — методологический, а истоки — исторические.

В советское время уголовная статистика, включая данные о деятельности правоохранительных органов, была засекреченной. Точно так же большие трудности представляли сбор и публикация эмпирических данных, материалов следственной и судебной практики, которые только после прохождения горнила отбора в мизерном количестве попадали на обозрение общественности в бюллетенях Верховного Суда СССР. Именно поэтому ученые вынужденно концентрировались на решении сугубо теоретических вопросов, ограничиваясь использованием догматического метода. Наука углублялась в саму себя, уровень разработки теоретических конструктов рос параллельно тому, как сами юридические науки все больше отрывались от реалий окружающей действительности. Соответственно, и сформировалась корпорация ученых, которые сильны лишь

в догматико-юридическом анализе, и эта корпорация воспроизводит себя в своих научных школах и учениках²³.

Научная жизнь сектора уголовного права и криминологии Института государства и права РАН в период, когда им руководил В.В. Лунеев, стала сценой эпического противостояния двух принципиально разных подходов к развитию юридической науки, которое развивалось по двум линиям: 1) этатисты и сторонники состязательности; и 2) «социологи» и «догматики».

Линия первая: сторонники состязательности против этатистов

Первое по хронологии противостояние возникло между представителями уголовного и уголовно-процессуального права. Ведущие процессуалисты (И.Л. Петрухин, Т.Г. Моршак, И.Б. Михайловская, Е.Б. Мизулина) объявили себя носителями идеологии состязательности, отрицали установление истины как цели доказывания и провозглашали примат защиты прав человека над интересами государства и безопасностью общества. Тем самым они провели «полное и окончательное размежевание» с идейной традицией сектора, заложенной ее знаменитым заведующим М.С. Строговичем — поборником примата материальной истины в уголовном судопроизводстве²⁴. Сам В.В. Лунеев, хотя вместо традиционного понятия «борьбы» с преступностью начал использовать в своих работах характерный для американской социологической юриспруденции термин «контроль преступности», все-таки оставался убежденным этатистом, как и подавляющее большинство криминологов. Однако и либерально мыслящий А.В. Наумов последовательно отстаивал позицию того, что (хотя бы с точки зрения уголовного права) за судом следует признать функцию борьбы с преступностью²⁵ — позиция, безусловно, неприемлемая для сторонников состязательной идеи.

Таким образом, изначально выделились носители состязательной идеи, образовав сектор проблем правосудия, который после смерти И.Л. Петрухина и его преемника И.Б. Михайловской вновь был слит в единый сектор. Впоследствии, однако, именно она стала первым крупным ученым, сделавшим крутой разворот в уголовно-процессуальной науке в сторону правового реализма. Сегодня перед сектором стоит задача возратить себе роль одного из центров уголовно-процессуальной мысли.

Линия вторая: «догматики» против «социологов»

Вторая линия раскола в секторе уголовного права и криминологии Института государства и права РАН прошла между криминологами и представителями уголовного права. Разногласия возникли по поводу реализации проекта курса уголовного права, который решили подготовить на принципиально новой методологической основе. Уголовно-правовой блок предполагалось фундировать криминологией, а значит, переориентировать методологический вектор с привычной

²¹ См.: Лакатос И. Фальсификация и методология научно-исследовательских программ // Кун Т. Структура научных революций. М., 2003.

²² См.: Bocharov D.O. Fathers and sons of the theory of reflection in Soviet and post-Soviet legal science // Правова позиція. 2016. № 1. С. 140–148; Сокол В.Ю. Затянувшийся триумф теории отражения в отечественной криминалистике. Краснодар, 2019.

²³ См.: Лунеев В.В. Проблемы юридических наук криминального цикла. С. 39–58; Его же. Проблемы уголовного права и других наук криминального цикла. С. 15–52.

²⁴ См.: Строгович М.С. Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе / отв. ред. Б.С. Никифоров. М., 1955.

²⁵ См.: Наумов А.В. Суд как орган борьбы с преступностью, а прокуратура — как институт общего надзора // Росс. юстиция. 2002. № 1. С. 24–26.

и удобной для юристов догматики на более широкое использование методов социальных наук. Проект остался нереализованным²⁶, однако ценность его заключалась в том, что он вскрыл глубинные противоречия в юридическом научном сообществе и спровоцировал научную дискуссию. Первая точка зрения (назовем ее междисциплинарной) была представлена выдающимися криминологами В.В. Лунеевым и В.Н. Кудрявцевым. Во главе второго направления, по крайней мере в публичном пространстве, встал проф. А.В. Наумов. Ситуацию развития науки уголовного права акад. В.Н. Кудрявцев квалифицировал как кризис (2006 г.), который, по его мнению, выражался в следующем:

дефицит новых идей: современные исследования в уголовном праве застыли на фундаментальных позициях, сформулированных еще в первой половине прошлого века;

анализ проблем отдельных видов преступлений в отрыве от уголовной статистики и социальных реалий;

увлечение ученых написанием учебников, принципиально друг от друга ничем не отличающихся, в ущерб монографическим работам.

Последний упрек актуален отнюдь не только для уголовного права, но и других уголовно-правовых а может быть, и в целом правовых наук. В его подлинности можно убедиться, взяв в руки и пролистав десяток учебников по уголовному или уголовно-процессуальному праву разных авторов. Именно об этом говорит Н.А. Колоколов: «Все мои коллеги, процессуалисты, в первую очередь заведующие кафедрами, буквально одержимы идеей: написать собственный, авторский учебник. Если я высказываю сомнения, дескать, делать этого не нужно, ибо отличия их конкретной процессуальной школы от всех прочих минимальны, меня, как правило, не слышат»²⁷.

А.В. Наумов в своем «открытом письме» акад. В.Н. Кудрявцеву бросил ответный упрек — в кризисе криминологической науки, который, по его мнению, выразился в том, что:

основные надежды в воздействии на преступность криминологи возлагают на изменения уголовного законодательства;

криминологи неверно оценили влияние на преступность глобализации и «просмотрели» мировой тренд на сокращение преступности, как в свое время они «просмотрели» возникновение в стране организованной преступности.

Имплицитно эти упреки направлены преимущественно против В.В. Лунеева, первым на монографическом уровне определившим проблему влияния глобализации на преступность (это была его последняя крупная работа по криминологии²⁸). Несправедливость их исходит из того, что ученый неосновательно ознакомился с работами криминологов, даже с базовой «Преступностью XX века». На самом деле криминологи с учетом различий в национальных системах учета преступности смогли провести анализ динамики преступности в глобальном масштабе. Они выявили такое явление, как «гуманизация» преступности

(тяжких преступлений против личности на Западе совершается в последние десятилетия гораздо меньше, чем экономических) и сопоставили его с таким явлением, как «цена преступности». Оказалось, что, несмотря на количественное преобладание экономических преступлений, причиняемый ими совокупный ущерб в соотношении с ВВП незначителен. Именно в этом на момент начала XXI в. и состояло коренное отличие западной от российской преступности, в которой одновременно проявились две противоположные тенденции: дегуманизация и рост ее стоимости²⁹.

Не соответствует требованиям научности и недоверие А.В. Наумова к криминологическим оценкам латентности современной преступности. На базе НИИ проблем укрепления законности и правопорядка при Генеральной прокуратуре РФ провели беспрецедентное по масштабам и уровню методологии исследование латентности и научно подтвердили как наличие самого феномена, так и его распространенность³⁰. Что же касается «упования криминологов на изменения в законодательстве», то вряд ли, наверное, подготовлено более критическое исследование уголовной политики (а точнее, отсутствия таковой), чем работа В.В. Лунеева, за которую он был удостоен почетного звания³¹. Как видим, истоки претензий сторонников «чистого» уголовного права к криминологам и в самом широком смысле «социологам» проистекают из незнания криминологической литературы, а то, в свою очередь, из отсутствия подлинного интереса к социологии уголовного права и ко всему тому, что лежит за рамками уголовного закона.

Основной посыл отповеди А.В. Наумова заключается в том, что «никакого нового уголовного права не будет, а будет органическое развитие старого с его приспособлением к новым (для каждого исторического периода) реалиям», поскольку все основные уголовно-правовые идеи человечество к этому времени уже сформулировало³². В терминах научной методологии А.В. Наумов говорит о завершенной научной парадигме уголовного права. Строится она вокруг центрального конструкта — учения о составе преступления, созданного еще на заре XIX в. немецкими юристами, прежде всего трудами А. Риттера фон Фейербаха (отца философа, с учением которого Ф. Энгельс связывал конец немецкой классической философии)³³. Однако любая научная парадигма разрушается под напором регистрируемых аномалий, которые в ее рамках не находят себе разрешения, когда их масса становится критичной³⁴. Но тут-то и возникает порочный круг, поскольку для того, чтобы ввести эти аномалии в научный оборот, требуется пробить «защитный пояс» теорий и теоретиков, которые репродуцируют все эти наслоения, оказывая ожесточенное сопротивление всему тому, что угрожает «твердому ядру» парадигмы.

Ни одна парадигма, за редким исключением, никогда полностью не разрешала всех своих проблем, оставляя

²⁹ См.: *Лунеев В.В.* Преступность XX века. С. 63, 64.

³⁰ См.: Теоретические основы исследования и анализа латентной преступности / под ред. С.М. Иншакова. М., 2011.

³¹ См.: *Лунеев В.В.* Истоки и пороки российского уголовного законодательства. М., 2014.

³² *Наумов А.В.* Открытое письмо академику В.Н. Кудрявцеву // Уголовное право. 2006. № 4. С. 135–138.

³³ См.: *Feuerbach P.J.A., R. von Lehrbuch des Gemeinen in Deutschland Gültigen Peinlichen Rechts.* Giessen, 1832.

³⁴ См.: *Кун Т.* Структура научных революций. С. 83–98.

²⁶ См. подр.: *Лунеев В.В.* Зачем живу? (Жизненные и криминологические тернии). 2-е изд., испр. и доп. М., 2014. С. 409–413.

²⁷ *Колоколов Н.А.* Учебник «Уголовно-процессуальное право»: прошлое, настоящее, будущее // Библиотека криминалиста. Науч. журнал. 2015. № 1 (18). С. 357.

²⁸ См.: *Лунеев В.В.* Эпоха глобализации и преступность. М., 2019.

значительный простор для развития «нормальной науки», т.е. решения частных проблем в рамках этой парадигмы³⁵, что до сих пор происходит как с материальным уголовным, так и уголовно-процессуальным правом. Однако этот простор не является безграничным, реальные проблемы когда-то разрешаются, а их дефицит восполняется решением мнимых проблем, и наука перерождается в схоластику. Настал ли этот момент для уголовно-правовых наук или запас проблем в рамках классической юриспруденции XIX в. еще не исчерпан окончательно? Ряд ученых пытается модернизировать научную парадигму уголовного права, притязая на создание новых отраслей: «экономического уголовного права»³⁶, «медицинского уголовного права»³⁷. Однако содержательное изучение построенных по новой композиционной схеме трудов показывает, что сами проблемы решаются в рамках традиционной парадигмы. Происходит лишь их рефрейминг — установка новой «рамки» на старой уголовно-правовой «картине».

Впрочем, взгляды самого А.В. Наумова претерпели за последние годы значительную эволюцию. В статье с говорящим названием «Теория уголовного права не должна сводиться к анализу и критике уголовного законодательства» профессор предлагает более широкий взгляд на уголовное право как триаду: уголовный закон, судебная практика (включая постановления Пленума Верховного Суда РФ) и уголовно-правовая доктрина (наука). Последняя в списке (доктрина) становится первой по уровню значимости, поскольку в ее основе лежит правосознание³⁸. Тем самым А.В. Наумов в более аккуратных выражениях воспроизвел концепцию основателя социологической юриспруденции и самого влиятельного американского юриста XX в. Роско Паунда. Его учение — это уже мост между академической и реалистической юриспруденцией.

Для развития реалистического движения отправным пунктом стал тезис Паунда о различии права-в-книгах (law-in-books) и права-в-действии (law-in-action). Главным теоретико-историческим исследованием права в США считается его пятитомная «Юриспруденция». Тем не менее до сих пор этот монументальный труд не только не переведен на русский язык, но отсутствует даже в фондах Российской государственной библиотеки. Этот факт подчеркивает наличие отрыва в развитии отечественной юриспруденции от американской, а значит, до известной степени, и от мировой. Взгляды Паунда мы изучаем преимущественно по публикациям его исследователей³⁹, а также нескольким оригинальным работам в сети Интернет. А ведь он оказал влияние на историю развития США и косвенно всего мира, поскольку сформировал правовую идеологию «Нового курса» президента Ф.Д. Рузвельта. Именно во втором его понимании как law-in-action, воплощенном в деятельности правоприменителя, реалисты соглашались видеть

право. В.В. Лунеев фактически стоял на позициях, близких к правовому реализму и социологической юриспруденции. Отсюда и смена дискурса с «борьбы» на «контроль преступности» как производную социального контроля — центральной идеи Паунда. Учитель последовательно настаивал на «изучении реалий» — это было лейтмотивом его наставлений аспирантам.

Уголовный процесс и криминалистика: есть ли основа для объединения?

Состоявшееся 10 лет назад отлучение криминалистики от уголовного процесса сформировало у криминалистов посттравматический синдром. Объединение специальностей они поэтому восприняли с воодушевлением, чего не скажешь о процессуалистах. В чем же доктринальные причины размежевания обеих наук и устранены ли они? В свойственной ему манере наиболее выпукло указал на них А.С. Александров в своей получившей скандальную известность статье «Семь смертных грехов современной криминалистики».

Если акад. В.Н. Кудрявцев говорил о кризисе уголовно-правовой науки, А.В. Наумов обвинял в том же кризисе российскую криминологию, то представитель нижегородской школы процессуалистов А.С. Александров (к этой же школе принадлежит и А.Ю. Афанасьев) кризис диагностировал уже в отечественной криминалистике. Этот кризис выразился в семи тенденциях ее развития, которые он образно назвал семью смертными грехами этой науки. Все его обвинения можно свести к двум. Криминалистика как наука изначально инструментально-прикладная оторвалась от потребностей следственной практики и выродилась в схоластику. Криминалисты вместо прикладных методик стали разрабатывать общие теории и «выявлять» надуманные закономерности, которых в принципе нет и быть не может. Главное же состоит в фундаментальной несовместимости криминалистики с уголовным процессом, которые имеют под собой разную природу: криминалистика — естественнонаучную, а уголовный процесс — чисто гуманитарную. Несовместимость остро проявилась в том, как криминалисты в русле теории информации переработали доказательственное право, изгнав из него психолингвистические компоненты. Доказывание в судопроизводстве восходит к риторической традиции, в том числе технике судебной аргументации, которую развивали софисты. Интерпретация ее в русле теории информации выхолащивает в ней всю ее гуманитарную составляющую с ее языковыми и культурологическими аспектами. В конечном счете юриспруденция — это искусство, в первую очередь искусство судебного разбирательства, в то время как криминалисты пытаются навязать юриспруденции изначально чуждый ей естественнонаучный дискурс⁴⁰.

Статья А.С. Александрова вызвала острую полемику, однако все полемисты были представителями не уголовно-процессуальной, а криминалистической науки, и никто из них не признал правоты оппонента ни по одному пункту предъявленного им обвинения. Процессуалисты ответили молчанием: не потому ли, что разделяли основной посыл статьи? Ведь если природа криминалистики и уголовного процесса принципиально различны, то объединение их в рамках одной специальности не будет органичным и, следовательно, последствия от такого объединения будут

³⁵ См.: Кун Т. Структура научных революций. С. 115.

³⁶ Есаков Г.А. Экономическое уголовное право: Общая часть. М., 2019.

³⁷ Рарог А.И., Понятовская Т.Г. Объект и система медицинского уголовного права // Всеросс. криминологический журнал. 2019. Т. 13. № 5. С. 816–824.

³⁸ См.: Наумов А.В. Теория уголовного права не должна сводиться к анализу и критике уголовного законодательства // Труды ИГП РАН. 2019. Т. 14. № 1. С. 121–140.

³⁹ См., напр.: Бочкарёв С.А. Философия уголовного права в истории европейских и англо-американских школ // Росс. журнал правовых исследований. 2017. № 1 (10). С. 132–150.

⁴⁰ См.: Александров А.С. Семь смертных грехов современной криминалистики // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2011. № 2. С. 277–280.

носить деструктивный характер, причем скорее всего именно для уголовно-процессуальной науки, в силу упомянутого выше численного перевеса криминалистов.

В.Ю. Сокол формулирует ряд мифов, которые, по его мнению, властвуют над умами отечественных криминалистов. Таких мифов — грехов, так же, как и А.С. Александров, он насчитал ровно семь. Один из них (в контексте статьи важен именно он) состоит в том, что криминалистика как область научного знания возникла в рамках уголовно-процессуальной науки, а значит, генетически обе науки тесно взаимосвязаны⁴¹. Однако предоставим слово самому Р.С. Белкину, который воссоздал полную хронологию возникновения и развития представляемой им науки.

Профессор подчеркивал, что такой прямолинейный взгляд на генезис криминалистики характеризовал лишь один из этапов ее рефлексии, который в настоящее время преодолен. «Исторически криминалистика возникла как наука о практических средствах и методах расследования преступлений, основанных на положениях естественных и технических наук. <...> В середине 1950-х гг. господствующими становятся представления о криминалистике как о правовой науке». Но сейчас эти представления уже не актуальны: «криминалистика в ее современном виде относится к числу междисциплинарных областей научного знания, ее природа носит гибридный, синтетический характер»⁴². Внимательное чтение классика этой науки дезавуирует обвинения в культивировании мифа о происхождении криминалистики из уголовного процесса. Но получается, что основной тезис А.С. Александрова и В.Ю. Сокола о несоемкстимости (полной или частичной) по природе своей уголовного процесса и криминалистики подтвердился.

Таким образом, как объединенное, так и раздельное существование уголовного процесса и криминалистики несут в себе определенные риски. Автономия криминалистики влечет ее полный разрыв с идеологией и материей уголовного процесса, рассасывание единого метадискурса обеих наук. А их слияние грозит уголовному процессу выхолащиванием его правовой природы.

Междисциплинарность — главная угроза «догматическому суверенитету» права?

Основные мысли, которые А.С. Александров попытался выразить в жанре научного, Л.В. Головки вывел на уровень общетеоретической проблемы. В своей ключевой методологической работе он нарисовал апокалиптическую картину того, как некие аморфные социальные науки (social sciences) размыли границы науки правовой и фактически поглотили ее, полностью лишив юриспруденцию своей правосубъектности в научном и образовательном пространстве. Нечто подобное уже переживала наша страна, когда после Октябрьской революции классические юридические факультеты стали сливаться с другими специальностями в факультеты общественных наук: большевики ощущали идеологическую угрозу, исходящую от юриспруденции с ее ценностями верховенства права и нормативного порядка. Однако благодаря преобладанию профессуры с классическим дореволюционным образованием удалось сохранить ядро правовой идеологии в целостности и обеспечить во второй половине прошлого века возрождение

полноценной юридической науки. Автономия права в США утрачена, в качестве альтернативы ему пришло движение «Право и экономика» (более известное у нас как «экономический анализ права»⁴³). В настоящее время процесс «Право и...» вошел в фазу неуправляемого и бесконтрольного клонирования. Самодостаточность и самооценочность собственно юридических исследований полностью девальвирована и размыта междисциплинарным подходом. Сопровождается это и подменой традиционной для правовых наук исследовательской методологии, в основе которой восходящий к традициям герменевтики лежит догматический («собственно юридический») метод. Опасность такой атаки на классическую юриспруденцию состоит в том, что конечная цель этой атаки — государство, для которого право служит постоянным и надежным защитным поясом из идей и концепций⁴⁴.

Необходимо признать, что для каждого более или менее ответственного и вдумчивого юриста те тенденции, о которых пишет Л.В. Головки, несут опасность утраты ценности их профессии. Как заметил крупнейший после Вебера немецкий социолог Никлас Луман, юристы последовательно в течение тысячелетий отстраивали свой собственный «догматический суверенитет»⁴⁵. Его разрушение угрожает многим из нас личной катастрофой, фиаско нашего жизненного проекта, и поэтому уже сейчас необходимо хеджировать риски междисциплинарности для юриспруденции. Каждый здравомыслящий юрист должен ощущать меру ответственности за свою профессию и не переходить «тонкую красную линию», за которой объект их профессиональной деятельности попросту коллапсирует. Но вместе с тем угроза ей идет и с противоположной стороны — вымывания из юриспруденции всего того, что, собственно, и образует научное знание. Без него правовая наука вырождается в схоластику и, как закономерное следствие, перестает восприниматься всерьез, утрачивает влияние на социальные и политические процессы, от чего как раз и предостерегал В.В. Лунеев.

Чтобы смягчить апокалиптический настрой, создаваемый статьей Л.В. Головки, следует внести в оценки профессора ряд уточнений. Преувеличение опасности выявленной им тенденции не в последнюю очередь проистекает из смешения нескольких терминов. Так, он отождествляет два понятия: “Social Sciences” и “Humanities, Arts and Social Sciences (HASS)”. Дело в том, что в США и ряде стран англосаксонского мира имеется институциональное противопоставление двух блоков наук и образовательных дисциплин: уже упомянутых Humanities, Arts and Social Sciences (HASS), которые включают в себя все основные социальные и гуманитарные науки, и Sciences, Technology, Engineering and Mathematics (STEM). Такое разграничение влияет на особенности менеджмента, бюджетного финансирования и другие организационно-правовые аспекты, да и просто отражает культурные традиции. Внутри этих групп специальностей все традиционные науки, включая право в рамках HASS, сохраняют свою автономию. А вот

⁴³ См. об этом, напр.: *Галузо В.Н.* От экономического анализа социальных явлений в зарубежных государствах к «экономике права» в Российской Федерации // *Право и государство: теория и практика.* 2016. № 12. С. 81–85.

⁴⁴ См.: *Головки Л.В.* Правовая наука против Social Sciences: каким должен быть российский выбор? // *Закон.* 2014. № 12. С. 32–43.

⁴⁵ *Luhmann N.* Funktionale Methode und juristische Entscheidung // *Archiv des öffentlichen Rechts.* 1969. Bd. 94. S. 1, 4.

⁴¹ См.: *Сокол В.Ю.* Указ. соч. С. 32, 33.

⁴² *Белкин Р.С.* Криминалистическая энциклопедия. 2-е изд., доп. М., 2000. С. 5–7.

Social Sciences, которые нельзя отождествлять с HASS, действительно, есть сравнительно новое междисциплинарное направление высшего образования, представляющее из себя смесь различных социальных наук для подготовки специалистов широкого профиля (социальных работников в широком смысле этого слова). Оно существует не вместо, а наряду с классической юриспруденцией и другими гуманитарными науками внутри все того же HASS.

Убедиться в этом можно, изучив содержание сайтов классических университетов, включая и цитадель движения «Право и экономика» Чикагского университета. Высшее юридическое образование в основном соответствует по своей структуре российскому. В течение первого года дается базовый общетеоретический блок, далее уже на углубленном уровне изучаются предметы основной специализации, в частности, уголовно-правовой, опять-таки состоящей из базы и спецкурсов. Выбор спецкурсов исключительно богат и разнообразен. Отличительной особенностью является большая практическая компонента, которая включает в себя профессиональные практические навыки на базе юридических клиник. Профессура, соответственно, также делится на академическую и клиническую. В Гарвардском университете действует клиника «Смертная казнь», где студенты работают непосредственно с приговоренными к высшей мере наказания, оказывая им бесплатную юридическую помощь и непосредственно познавая реальность.

Нельзя игнорировать тот факт, что и само государство как феномен постоянно эволюционирует. Понимание в Европе того, что такое государство до и после Вестфальского мира и созданного им нового мирового порядка было принципиально разным. То, что считалось государством с середины XVII в., когда начался триумф этой формы устройства общества, отнюдь не соответствует тому же в XXI в., когда мощные некогда европейские государства добровольно отказались от своего суверенитета в пользу экономического союза⁴⁶. Точно так же вместе с государством эволюционирует и право, и ожидать того, что оно все время будет пребывать в раз и навсегда отлитой форме, невозможно. И юридическая наука должна улавливать эти тенденции и подстраиваться под них, чтобы сохранять влияние на общество. Поэтому тот же экономический анализ права ведет не к девальвации юриспруденции, а к расширению ее горизонтов. Кроме того, соприкосновение юридической науки с экономикой или психологией, чей научный аппарат и методология в большей степени отвечают уровню STEM, может содействовать выходу уголовно-правовых и в целом юридических наук из кризиса, который мы определили как кризис тематико-методологический.

Именно методологической привлекательностью объясняет ценность междисциплинарного подхода один из основателей экономического анализа права Р. Познер. Судья и ученый отмечает: «Успехи в неюридических областях — таких как экономика, теория игр, социальная и политическая теория — создали новые инструменты для изучения права, тогда как растущая сложность права и общества продемонстрировала скудость доктринального анализа как инструмента решения проблем правовой системы»⁴⁷. С этим утверждением вполне можно согласиться. Однако он идет дальше и делает более радикальный вывод, что «подлинно

научную концепцию права могут дать только подходы, позаимствованные из других дисциплин, таких как экономика, социология и психология, говоря о “теории права” в целом, следует ограничивать этот термин теориями, пришедшими не из правоведения»⁴⁸. Последнее утверждение — пример крайнего сциентизма в юриспруденции, в этом плане позиция А.С. Александрова и отчасти Л.В. Головкина находится на противоположном — антисциентистском полюсе. Но не это ли в действительности отпугивает многих догматиков, как процессуалистов, так и материалистов, — нежелание и неготовность использовать более строгий и сложный методологический инструментарий точных и естественных наук? Не отстаивают ли они тем самым, защищая свой «догматический суверенитет», комфортный и привычный *modus operandi*, заниматься юриспруденцией как искусством или священнодействием, но отнюдь не как наукой?

Профессор Упсальского университета А. Хэгерстрём еще в начале минувшего века, изучая римское право, сделал выдающееся открытие: прямую связь правовых понятий с мистикой, а правовых практик — с магическими ритуалами. Римское понятие обязательства (*obligatio*) определялось как мистические узы, связывающие должника и кредитора, а процедура перехода права собственности (*mancipatio*) представляла собой строгий магический ритуал с использованием определенных слов и жестов. В дальнейшем ритуалы отпали, а юридическая и судебная функции отделились от жреческих, однако сама мистическая суть правовых категорий осталась. Отталкиваясь от собственных открытий, А. Хэгерстрём фактически заложил основы континентальной школы правового реализма, которая развивалась параллельно американской и независимо от нее. Основной ее задачей было очищение права от метафизики, предание ему научного характера⁴⁹. Подчеркнем, что правовой реализм — явление не исключительно американское, но также и континентально-европейское, и отсюда, что сейчас центром его изучения становится именно Институт государства и права РАН, в котором трудился В.В. Лунеев. Представители Упсальской школы убедительно показали, что юристы привыкли манипулировать чисто метафизическими категориями, не отдавая себе в этом отчета, а то что они до сих пор понимают под наукой, является истолкованием мистических учений. Именно поэтому юристы-антисциентисты признают только один универсально-научный метод — герменевтику, ведь изначально она и выполняла функцию толкования священных текстов⁵⁰.

Создатель современной российской либерально-демократической концепции материального уголовного и уголовно-процессуального права Т.Г. Понятовская разводит понятия научной теории и концепции. Последняя строится как система умозаключений, выведенных из концепта — базовой идеи, которая без ее эмпирической проверки принимается за истину. Так, если в основе советской уголовно-правовой концепции лежала идея государства как продукта классовых противоречий, то в основе ее либерально-демократической альтернативы — концепт государства как результата добровольного объединения людей. Отсюда

⁴⁸ Там же. С. 8, 9.

⁴⁹ См.: Васильева Н.С. Указ. соч. С. 47–80; Тонков Д.Е. Философия права Акселя Хэгерстрёма // Труды ИГП РАН. 2018. Т. 13. № 3. С. 82–106.

⁵⁰ См.: Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики / пер. с нем.; общ. ред. Б.Н. Бессонова. М., 1988. С. 221–245.

⁴⁶ См.: Кревельд М. ван Расцвет и упадок государства / пер. с англ.; под ред. Ю. Кузнецова и А. Макеева. М., 2006.

⁴⁷ Познер Р.А. Рубежи теории права / пер. с англ. И.В. Кушнарева; под ред. Д.И. Одинцовой. М., 2017. С. 8.

берет свое начало и концепция уголовного права и процесса с ее установлением границ репрессивной власти государства, редуцированной широкими правами и свободами личности⁵¹. Таким образом, традиции юридической науки по-прежнему находятся во власти метафизических идей (права человека, государство как продукт договора и т.д.), не основанных на эмпирических данных и результатах научного эксперимента.

После 60 лет, посвященных ортодоксальной юриспруденции, последняя заведующая сектором проблем правосудия Института государства и права РАН И.Б. Михайловская пришла к выводу об ограниченности возможностей сугубо процессуальной логики решения фундаментальных проблем правоприменения. Стоит вдуматься в слова, которые можно считать ее научным завещанием: «В публикациях, посвященных отечественному уголовному судопроизводству, не раз отмечалось и ныне отмечается расхождение между законодательной моделью и практикой ее реализации. Однако, констатируя такого рода расхождения, авторы видят их причину либо в несовершенстве закона, либо в неправильных решениях и действиях правоприменителя, либо в том и другом вместе. Для выделения более глубинных механизмов, порождающих разрыв между законом и практикой его применения, средства познания, используемые юриспруденцией, оказываются неадекватными. <...> Самый тщательный и квалифицированный анализ закона не дает ответа на вопрос, в каком звене механизма правоприменения происходит сбой, и какие обязательства ему способствуют. Помочь пониманию сложившейся ситуации и разработке предложения по ее устранению способом рассмотрение уголовного судопроизводства как разновидности социальной системы — организации»⁵². Управленческий подход в уголовном судопроизводстве, намеченный И.Б. Михайловской, вполне можно считать современной российской реинкарнацией правового реализма⁵³. Как бы там ни было, спор между сторонниками междисциплинарного подхода (В.В. Лунеев, И.Б. Михайловская, Н.А. Колоколов) и апологетами «догматического суверенитета» права (А.В. Наумов, Л.В. Головкин) разрешен на нормативном уровне в пользу первых.

Объединение специальностей: прогноз и хеджирование рисков

Образование укрупненной специальности 5.1.4 целесообразно, но преждевременно. Науки «криминального цикла» объединяются с большим багажом нерешенных проблем и взаимных претензий. Размежевание хотя и было в отдельных случаях решительным (отделение криминалистики от уголовного процесса), но отнюдь не определенным. Широкой дискуссии, за исключением приведенных выше локальных стычек, по методологическим проблемам уголовно-правовых наук никогда не велось, ученые избегают такой дискуссии либо просто не готовы к ней. Уклонение от обсуждения этой темы показала одна из последних

конференций⁵⁴, которая была организована и проведена Московской академией Следственного комитета РФ совместно с Академией управления МВД России и Академией права и управления ФСИН России. На форум были вынесены вопросы, связанные с проблемами развития уголовного процесса и криминалистики в свете укрупнения научных специальностей. Каждый участник, включая и ведущих представителей своих научных специальностей, несмотря на попытки модератора (автора статьи) повернуть обсуждение в русло общих вопросов, ограничился своей узкоспециальной проблематикой.

Объединение научных специальностей — это отнюдь не слияние их в единую науку. Название новой специальности определено через множественное число — «Уголовно-правовые науки» (а не «наука»). Поэтому в доктринальном измерении границы наук, образовавших новую специальность, должны сохраниться в прежнем виде. Если вузы останутся приверженными германской системе строения, где за основу взята кафедра, которая возникает на основе конкретной научной специальности или дисциплины, то необходимая автономия этих дисциплин сохранится. Существует, однако, и другой путь, франко-американский, по которому, например, пошли в Высшей школе экономики, где ликвидировали кафедральный принцип и слили родственные кафедры в укрупненные департаменты. Если возобладает этот тренд, то без институциональной опоры на кафедры границы научных специальностей действительно будут размываться.

Впрочем, и кафедральный принцип реализован везде по-разному. Так, в МГУ им. М.В. Ломоносова уголовное право и криминология представлены одной, а в МГЮУ им. О.Е. Кутафина (МГЮА) — двумя разными кафедрами. В ведомственных вузах непрофильные дисциплины реализуют укрупненные кафедры (например, теоретические и публично-правовые), а профильные, наоборот, разделены между узкоспециализированными кафедрами (например, в Московской академии Следственного комитета РФ существуют и кафедра криминалистики, и кафедра судебных экспертиз, и ОРД, и кафедра предварительного расследования, и кафедра управления и психологии следственной деятельности).

Министр науки и высшего образования РФ В.Н. Фальков необходимость укрупнения научных специальностей объяснил тем, «чтобы тем самым нацелить ученых и соискателей научных степеней на развитие междисциплинарных и мультидисциплинарных исследований», образующих сейчас общемировой тренд⁵⁵. Первым об этом более полувека назад сказал основатель кибернетики Н. Винер: «Самыми плодотворными для развития наук являются области, оставленные в пренебрежении по той причине, что они были “ничей территорией” между различными науками»⁵⁶. Именно там, на междисциплинарном пространстве, и возникла кибернетика.

Междисциплинарные и мультидисциплинарные исследования в праве — явление редкое и далеко еще не ставшее традицией. Наверное, такое укрупнение может снять некоторые организационные сложности для защиты

⁵¹ См.: *Понятовская Т.Г.* Концептуальные основы системы понятий и институтов уголовного и уголовно-процессуального права. Репринт. изд. М., 2019. С. 5–46.

⁵² *Михайловская И.Г.* Процессы управления в судебной системе: учеб. пособие. М., 2012.

⁵³ См., напр.: *Маслов И.В.* Уголовный процесс и управление // *Расследование преступлений: проблемы и пути их решения*. 2016. № 1. С. 136–138.

⁵⁴ См.: VII Всеросс. науч.-практ. конф. «Уголовный процесс и криминалистика: теория, практика, дидактика» (Москва, 16 декабря 2021 г.).

⁵⁵ См.: *Емельяненко А.* Министр Фальков утвердил новую номенклатуру научных специальностей // *Росс. газ*. 2021. 7 апр.

⁵⁶ *Винер Н.* Кибернетика или управление и связь в животном и машине. 2-е изд. М., 1968. С. 103.

диссертаций междисциплинарного характера. Так, например, на кафедре уголовного процесса Московской академии СК России готовится диссертация по теме «Уголовно-процессуальные проблемы противодействия преступлениям, совершенным преступными группами в ходе рейдерских захватов имущества». За этим замысловатым названием скрывается интересная тема, речь идет в работе о том, как институты уголовного процесса и полномочия его участников используются в целях совершения рейдерства. Но строго формально противодействие рейдерству — это предмет криминологии, а в то же время содержание диссертации преимущественно процессуальное. Если бы совет был только по уголовному процессу или по уголовному праву и криминологии, организационно защитить такую диссертацию было бы сложно, а сейчас, даже если в совете будут только одни процессуалисты или криминологи (или даже одни криминалисты), то чисто формально никаких препятствий для ее защиты нет. Впрочем, это не освободит диссертанта от обязанности, как условия допуска к защите, получить заключения на обеих кафедрах: и уголовного процесса, и уголовного права и криминологии.

Междисциплинарные связи внутри новой специальности 5.1.4 просматриваются далеко не во всем. Где, например, такие связи между прежними специальностями 12.00.08, 12.00.11? В то же время они налицо между уголовным и гражданским правом (анализ преступлений в сфере экономики), когда диссертация подготовлена на стыке обеих отраслей или даже трех (12.00.11, 12.00.02 и 12.00.14), например, органы предварительного следствия в системе органов государственной власти и управления. Междисциплинарные исследования должны по идее взламывать барьеры областей науки или групп научных специальностей, например, те же экономические преступления с точки зрения и уголовного права и экономических наук или деятельность органов предварительного следствия с точки зрения правового регулирования и теории управления. Или если предметом исследования является уголовно-процессуальное познание, то работа должна быть выполнена на стыке уголовного процесса и когнитивных наук, — писать сегодня о проблемах юридического познания в отрыве от когнитивных наук, значит находиться вне мирового научного течения. Поэтому такое укрупнение само по себе не окажет заметного положительного влияния на выход этих наук из тематико-методологического кризиса.

Преждевременное объединение специальностей скорее создаст новые проблемы. Одну из них мы уже обозначили — это теоретическая возможность полного отсутствия в диссертационных советах ученых по той научной специальности, по которой будет защищаться диссертация. Представляется разумным, если Минобрнауки России в ближайшее время даст какие-то официальные разъяснения ограничительного свойства по этой проблеме. Впрочем, этому не мешали и прежние специальности, например, в диссертационном совете на базе юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова (МГУ 12.04) по уголовному праву, уголовному процессу и криминалистике нет ни одного представителя кафедры уголовного процесса, правосудия и прокурорского надзора этого факультета, а за процессуальный блок в совете отвечают криминалисты, защитившиеся в рамках еще неразделенной специальности 12.00.09.

Наряду с уже названными междисциплинарными направлениями (уголовное право и экономика; уголовный процесс и управление; уголовно-процессуальное познание и когнитивные науки) весьма перспективными направлениями междисциплинарных исследований в рамках объединенной специальности могли бы стать поведенческие

исследования права, экспериментальная юридическая этика, использование технологий искусственного интеллекта в уголовном судопроизводстве и анализ уголовно-процессуальных отношений с точки зрения теории игр.

Большинство этих направлений образует мировой тренд, но отечественная юриспруденция пока еще не готова к масштабной перестройке своей методологической базы. Вряд ли поэтому ей угрожает коллапс по сценарию, описанному Л.В. Головкин. А вот размывание предметного ядра конкретных научных специальностей, вызванное всеми указанными ранее организационными моментами формирования новых диссертационных советов, — явление предсказуемое. Как сработает фактор синергии (еще одно междисциплинарное направление) с научной точки зрения однозначно спрогнозировать невозможно — этому учит уже другое междисциплинарное направление (теория хаоса). Здесь и сейчас необходимо обозначить тот конечный результат, к которому в своем развитии юридические науки должны стремиться. Если научное сообщество сможет прийти к консенсусу о том, каков должен быть этот результат синергии и задать его параметры, то через какое-то время (например, через пять лет) можно будет оценить, развиваются ли юридической науки в целом и уголовно-правовые науки, в частности, в правильном направлении.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Александров А.С. Семь смертных грехов современной криминалистики // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2011. № 2. С. 277–280.
2. Афанасьев А.Ю. 5.1.4 — Уголовно-правовые науки // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2021. № 2. С. 111–117.
3. Белкин Р.С. Криминалистическая энциклопедия. 2-е изд., доп. М., 2000. С. 5–7.
4. Белкин Р.С. Ленинская теория отражения и методологические проблемы советской криминалистики. М., 1970.
5. Белкин Р.С., Быховский И.Е., Дулов А.В. Модное увлечение или новое слово в науке? (Еще раз о криминалистической характеристике преступления) // Соц. законность. 1987. № 9. С. 56–58.
6. Белкин Р.С., Краснобаев Ю.И. О предмете советской криминалистики // Правоведение. 1967. № 4. С. 90–94.
7. Бочкарёв С.А. Философия уголовного права в истории европейских и англо-американских школ // Росс. журнал правовых исследований. 2017. № 1 (10). С. 132–150.
8. Васильева Н.С. Действительность права как психологический факт: Упсальская школа в контексте интеллектуальной традиции континентального правового реализма // Труды ИГП РАН. 2019. Т. 14. № 4. С. 47–80.
9. Винер Н. Кибернетика или управление и связь в животном и машине. 2-е изд. М., 1968. С. 103.
10. Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики / пер. с нем.; общ. ред. Б.Н. Бессонова. М., 1988. С. 221–245.
11. Галузо В.Н. От экономического анализа социальных явлений в зарубежных государствах к «экономике права» в Российской Федерации // Право и государство: теория и практика. 2016. № 12. С. 81–85.
12. Голик Ю.В. Метод уголовного права // Журнал рос. права. 2000. № 1. С. 69–75.

13. Головкин Л.В. Правовая наука против Social Sciences: каким должен быть российский выбор? // Закон. 2014. № 12. С. 32–43.
14. Долгова А.И. Нужна ли криминология и криминологический взгляд на преступность? // Библиотека криминалиста. Науч. журнал. 2015. № 6. С. 9–19.
15. Емельяненко А. Министр Фальков утвердил новую номенклатуру научных специальностей // Росс. газ. 2021. 7 апр.
16. Есаков Г.А. Экономическое уголовное право: Общая часть. М., 2019.
17. Клейменов М.П., Клейменов И.М. Профанизация криминологии // Криминологический журнал БГУЭП. 2010. № 2. С. 13–20.
18. Колоколов Н.А. Учебник «Уголовно-процессуальное право»: прошлое, настоящее, будущее // Библиотека криминалиста. Науч. журнал. 2015. № 1 (18). С. 357.
19. Кревельд М. ван Расцвет и упадок государства / пер. с англ.; под ред. Ю. Кузнецова и А. Макеева. М., 2006.
20. Кун Т. Структура научных революций. М., 2003. С. 83–98, 115.
21. Курс уголовного процесса / под ред. Л.В. Головкин. М., 2016.
22. Лакатос И. Фальсификация и методология научно-исследовательских программ // Кун Т. Структура научных революций. М., 2003.
23. Ленин В.И. Заявление редакции «Искры» (1900 г.) // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 354–360.
24. Ллевеллин К. Реалистическая юриспруденция — следующий шаг / пер. с англ. Д.Е. Тонкова // Правоведение. 2015. № 4 (321). С. 161.
25. Лунеев В.В. Зачем живу? (Жизненные и криминологические тернии). 2-е изд., испр. и доп. М., 2014. С. 409–413.
26. Лунеев В.В. Истоки и пороки российского уголовного законодательства. М., 2014.
27. Лунеев В.В. Преступность XX века: мировые, региональные и российские тенденции. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2005. С. 63, 64.
28. Лунеев В.В. Проблемы уголовного права и других наук криминального цикла // Уголовное право. Актуальные проблемы теории и практики: сб. очерков / под ред. В.В. Лунеева. М., 2010. С. 15–52.
29. Лунеев В.В. Проблемы юридических наук криминального цикла // Государство и право. 2007. № 5. С. 39–58.
30. Лунеев В.В. Эпоха глобализации и преступность. М., 2019.
31. Маслов И.В. Уголовный процесс и управление // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2016. № 1. С. 136–138.
32. Михайловская И.Г. Процессы управления в судебной системе: учеб. пособие. М., 2012.
33. Наумов А.В. Открытое письмо академику В.Н. Кудрявцеву // Уголовное право. 2006. № 4. С. 135–138.
34. Наумов А.В. Суд как орган борьбы с преступностью, а прокуратура — как институт общего надзора // Росс. юстиция. 2002. № 1. С. 24–26.
35. Наумов А.В. Теория уголовного права не должна сводиться к анализу и критике уголовного законодательства // Труды ИГП РАН. 2019. Т. 14. № 1. С. 121–140.
36. Познер Р.А. Рубежи теории права / пер. с англ. И.В. Кушнareвой; под ред. Д.И. Одинцовой. М., 2017. С. 8, 9.
37. Понятовская Т.Г. Концептуальные основы системы понятий и институтов уголовного и уголовно-процессуального права. Репринт. изд. М., 2019. С. 5–46.
38. Рарог А.И., Понятовская Т.Г. Объект и система медицинского уголовного права // Всеросс. криминологический журнал. 2019. Т. 13. № 5. С. 816–824.
39. Сокол В.Ю. Затянувшийся триумф теории отражения в отечественной криминалистике. Краснодар, 2019. С. 32, 33.
40. Стояновский Н.И. Практическое руководство к русскому уголовному судопроизводству. СПб., 1852. С. 3.
41. Строгович М.С. Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе / отв. ред. Б.С. Никифоров. М., 1955.
42. Теоретические основы исследования и анализа латентной преступности / под ред. С.М. Иншакова. М., 2011.
43. Тонков Д.Е. Философия права Акселя Хэгерстрёма // Труды ИГП РАН. 2018. Т. 13. № 3. С. 82–106.
44. Ушакова А.П. Сколько диссертаций защищается по юридическим наукам? (Статистическое исследование) // Пролог: журнал о праве. 2017. № 3. С. 49–56.
45. Bocharov D.O. Fathers and sons of the theory of reflection in Soviet and post-Soviet legal science // Правовая позиция. 2016. № 1. С. 140–148.
46. Feuerbach P.J.A., R. von Lehrbuch des Gemeinen in Deutschland Gültigen Peinlichen Rechts. Giessen, 1832.
47. Luhmann N. Funktionale Methode und juristische Entscheidung // Archiv des öffentlichen Rechts. 1969. Bd. 94. S. 1, 4.

REFERENCES

1. Alexandrov A.S. The seven deadly sins of modern criminology // Herald of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2011. No. 2. P. 277–280 (in Russ.).
2. Afanasyev A. Yu. 5.1.4 — Criminal law sciences // Science and education: economy and economics; entrepreneurship; law and management. 2021. No. 2. P. 111–117 (in Russ.).
3. Belkin R.S. Criminalistic encyclopedia. 2nd ed., add. M., 2000. P. 5–7 (in Russ.).
4. Belkin R.S. Lenin's theory of reflection and methodological problems of Soviet criminalistics. M., 1970 (in Russ.).
5. Belkin R.S., Bykhovsky I.E., Dulov A.V. Fashionable hobby or a new word in science? (Once again about the criminalistic characteristics of the crime) // Social legality. 1987. No. 9. P. 56–58 (in Russ.).
6. Belkin R.S., Krasnobaev Yu.I. On the subject of Soviet criminology // Jurisprudence. 1967. No. 4. P. 90–94 (in Russ.).
7. Bochkarev S.A. Philosophy of criminal law in the history of European and Anglo-American schools // Russ. journal of Legal Studies. 2017. No. 1 (10). P. 132–150 (in Russ.).
8. Vasilyeva N.S. The reality of law as a psychological fact: Uppsala school in the context of the intellectual tradition of continental legal realism // Proceedings of the ISL of the RAS. 2019. Vol. 14. No. 4. P. 47–80 (in Russ.).
9. Wiener N. Cybernetics or control and communication in an animal and a machine. 2nd ed. M., 1968. P. 103 (in Russ.).
10. Gadamer H.-G. Truth and method: Fundamentals of Philosophical Hermeneutics / transl. from German; general ed. by B.N. Bessonov. M., 1988. P. 221–245 (in Russ.).
11. Galuzo V.N. From the economic analysis of social phenomena in foreign countries to the “economics of law” in the Russian Federation // Law and the State: Theory and Practice. 2016. No. 12. P. 81–85 (in Russ.).
12. Golik Yu. V. Method of Criminal Law // Journal of Russ. law. 2000. No. 1. P. 69–75 (in Russ.).
13. Golovko L.V. Legal Science vs. Social Sciences: what should be the Russian choice? // Law. 2014. No. 12. P. 32–43 (in Russ.).
14. Dolgova A.I. Is criminology and criminological view of crime necessary? // Criminalist's Library. Scientific journal. 2015. No. 6. P. 9–19 (in Russ.).

15. *Emelianenkov A.* Minister Falkov approved a new nomenclature of scientific specialties // *Ross. gas.* 2021. 7 Apr. (in Russ.).
16. *Esakov G.A.* Economic Criminal Law: General part. M., 2019 (in Russ.).
17. *Kleimenov M.P., Kleimenov I.M.* Profanization of criminology // *Criminological journal of BSUEP.* 2010. No. 2. P. 13–20 (in Russ.).
18. *Kolokolov N.A.* Textbook “Criminal Procedural Law”: past, present, future // *Library of criminalist. Scientific journal.* 2015. No. 1 (18). P. 357 (in Russ.).
19. *Kreveld M. van* The rise and decline of the state / transl. from English; ed. by Yu. Kuznetsov and A. Makeev. M., 2006 (in Russ.).
20. *Kun T.* The structure of scientific revolutions. M., 2003. P. 83–98, 115 (in Russ.).
21. The course of criminal procedure / ed. by L.V. Golovko. M., 2016 (in Russ.).
22. *Lakatos I.* Falsification and methodology of scientific research programs // *Kun T.* The structure of scientific revolutions. M., 2003 (in Russ.).
23. *Lenin V.I.* Statement of the editorial board of “Iskra” (1900) // *Lenin V.I.* The complete works. Vol. 4. P. 354–360 (in Russ.).
24. *Llewellyn K.* Realistic jurisprudence — the next step / transl. from English by D.E. Tonkov // *Jurisprudence.* 2015. No. 4 (321). P. 161 (in Russ.).
25. *Luneev V.V.* Why do I live? (Life and criminological thorns). 2nd ed., rev. and add. M., 2014. P. 409–413 (in Russ.).
26. *Luneev V.V.* The origins and vices of Russian criminal lawmaking. M., 2014 (in Russ.).
27. *Luneev V.V.* Crime of the twentieth century: global, regional and Russian trends. 2nd ed., reprint and add. M., 2005. P. 63, 64 (in Russ.).
28. *Luneev V.V.* Problems of criminal law and other sciences of the criminal cycle // *Criminal Law. Actual problems of theory and practice: collection of essays* / ed. by V.V. Luneev. M., 2010. P. 15–52 (in Russ.).
29. *Luneev V.V.* Problems of legal sciences of the criminal cycle // *State and Law.* 2007. No. 5. P. 39–58 (in Russ.).
30. *Luneev V.V.* The Era of globalization and crime. M., 2019 (in Russ.).
31. *Maslov I.V.* Criminal process and management // *Investigation of crimes: problems and ways to solve them.* 2016. No. 1. P. 136–138 (in Russ.).
32. *Mikhailovskaya I.G.* Management processes in the judicial system: studies manual. M., 2012 (in Russ.).
33. *Naumov A.V.* An open letter to academician V.N. Kudryavtsev // *Criminal Law.* 2006. No. 4. P. 135–138 (in Russ.).
34. *Naumov A.V.* The court as a crime-fighting body, and the prosecutor’s office as an institution of general supervision // *Russ. justice.* 2002. No. 1. P. 24–26 (in Russ.).
35. *Naumov A.V.* The theory of Criminal Law should not be reduced to the analysis and criticism of criminal legislation // *Proceedings of the ISL of the RAS.* 2019. Vol. 14. No. 1. P. 121–140 (in Russ.).
36. *Pozner R.A.* Frontiers of the theory of law / transl. from English by I.V. Kushnareva; ed. by D.I. Odintsova. M., 2017. P. 8, 9 (in Russ.).
37. *Ponyatovskaya T.G.* Conceptual foundations of the system of concepts and institutions of Criminal and Criminal Procedure Law. Reprint. ed. M., 2019. P. 5–46 (in Russ.).
38. *Rarog A.I., Ponyatovskaya T.G.* Object and system of medical Criminal Law // *All-Russian criminological journal.* 2019. Vol. 13. No. 5. P. 816–824 (in Russ.).
39. *Sokol V. Yu.* The protracted triumph of reflection theory in domestic criminology. Krasnodar, 2019. P. 32, 33 (in Russ.).
40. *Stoyanovsky N.I.* Practical guide to Russian criminal proceedings. St. Petersburg, 1852. P. 3 (in Russ.).
41. *Strogovich M.S.* Material truth and judicial evidence in the Soviet criminal process / res. ed. B.S. Nikiforov. M., 1955 (in Russ.).
42. Theoretical foundations of research and analysis of latent crime / ed. by S.M. Inshakov. M., 2011 (in Russ.).
43. *Tonkov D.E.* Axel Hagerstrom’s Philosophy of Law // *Proceedings of the ISL of the RAS.* 2018. Vol. 13. No. 3. P. 82–106 (in Russ.).
44. *Ushakova A.P.* How many dissertations are defended in legal sciences? (Statistical research) // *Prologue: Journal of Law.* 2017. No. 3. P. 49–56 (in Russ.).
45. *Bocharov D.O.* Fathers and sons of the theory of reflection in Soviet and post-Soviet legal science // *Legal position.* 2016. No. 1. P. 140–148.
46. *Feuerbach P.J.A., R. von* Lehrbuch des Gemeinen in Deutschland Gültigen Peinlichen Rechts. Giessen, 1832.
47. *Luhmann N.* Funktionale Methode und juristische Entscheidung // *Archiv des öffentlichen Rechts.* 1969. Bd. 94. S. 1, 4.

Сведения об авторе

ЦВЕТКОВ Юрий Анатольевич — кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного процесса Московской академии Следственного комитета Российской Федерации; 125080 г. Москва, ул. Врубеля, д. 12

Authors’ information

TSVETKOV Yuri A. — PhD in Law, associate Professor, Head of the Department of Criminal Procedure of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation; 12 Vrublei str., 125080 Moscow, Russia